

*О. В. Защи́ринская**

СУПЕРЭГО КАК КУЛЬТУРНЫЙ РЕЖИМ: ОТ ФРЕЙДА — К ЛАКАНУ

Статья посвящена рассмотрению эволюции понятия «суперэго» в истории психоанализа и его культурологических интерпретациях. Актуальность темы определяется двойной перспективой: с одной стороны, необходимостью уточнения роли психоаналитической традиции в формировании гуманитарного знания XX–XXI вв., с другой — интересом культурологии к механизмам нормативного и символического контроля в обществе. Цель статьи — выявить ключевые этапы трансформации концепта «суперэго»: от его введения З. Фрейдом как инстанции морального запрета и вины до лакановского прочтения как парадоксального императива наслаждения. Особое внимание уделено российскому контексту 1920–1930х гг., когда психоанализ подвергался идеологическим ограничениям, а также современным культурным практикам, в которых суперэго проявляется как специфическая форма аффективного давления.

Ключевые слова: психоанализ, Фрейд, Лакан, суперэго, культурология, вина, наслаждение, история психоанализа.

O. V. Zashchirinskaia

THE SUPEREGO AS A CULTURAL REGIME: FROM FREUD TO LACAN

The article is devoted to the examination of the evolution of the concept of the “superego” in the history of psychoanalysis and its cultural interpretations. The relevance of the topic is defined by a dual perspective: on the one hand, the necessity of clarifying the role of the psychoanalytic tradition in the formation of humanities knowledge of the 20th-21st centuries, and on the other, the interest of cultural studies in the mechanisms of normative and symbolic control in society. The purpose of the article is to identify the key stages in the transformation

* Защи́ринская Оксана Владимировна — докт. психол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, СПб., наб. р. Фонтанки, д. 15, лит. А.

Oksana V. Zashchirinskaya — Dr. of Psychology, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg; The Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky, 15, Fontanka Embankment, Saint Petersburg, 191023, Russian Federation.

of the concept of the “superego”: from its introduction by S. Freud as an instance of moral prohibition and guilt to J. Lacan’s interpretation as the paradoxical imperative of enjoyment. Special attention is paid to the Russian context of the 1920s–1930s, when psychoanalysis was subject to ideological restrictions, as well as to contemporary cultural practices in which the superego manifests itself as a specific form of affective pressure.

Keywords: psychoanalysis, Freud, Lacan, superego, cultural studies, guilt, enjoyment, history of psychoanalysis.

Современное гуманитарное знание обращается к понятиям психоанализа не только как к историческим концептам, но и как к устойчивым культурным моделям. Среди них особое значение имеет введенное З. Фрейдом понятие «суперэго» (*Über-Ich*), оказавшее влияние на философию, социологию и культурологию XX в. В отличие от классической психологии, где речь идет преимущественно о функциях адаптации, психоанализ обозначил новый уровень описания — внутреннюю инстанцию, соединяющую социальный запрет и индивидуальное чувство вины [1; 2]. Этот концепт оказался продуктивным не только в области клинической практики, но и в более широких исследованиях культуры. Для культурологии важным представляется вопрос о том, каким образом суперэго формирует нормативные структуры, поддерживает символический порядок и в то же время порождает внутренние конфликты, определяющие облик целых эпох [5].

В контексте психоаналитической традиции эволюция понятия суперэго демонстрирует два ключевых этапа. Первый связан с работами З. Фрейда «Я и Оно» и «Недовольство культурой», где суперэго предстает как носитель морали и источник чувства вины [1; 2]. Второй этап обозначен Ж. Лаканом, который интерпретировал суперэго как парадоксальный императив наслаждения, что расширило спектр анализа культурных практик и позволило описывать не только репрессивные, но и избыточные механизмы символического давления [3; 4; 7; 8]. Такая перспектива обеспечивает культурологический подход к феномену: он рассматривается не в пределах психотерапевтической техники, а в горизонте социальной истории и культурных текстов, в том числе современных.

Цель данной статьи — выявить культурологическое значение понятия суперэго, проследив его становление у З. Фрейда и трансформацию у Ж. Лакана, а также обозначить специфику российской рецепции психоанализа в 1920–1930е гг. и в новейших формах культурной репрезентации. В качестве материала анализа будут использованы философские и культурологические интерпретации (М. Фуко, Л. Альтюссер, С. Жижек, А. Зупанчич) [5; 6; 7; 8], а также современные исследования, посвященные соотношению психоанализа и культурных практик [9; 10; 11; 12]. Новизна работы заключается в рассмотрении суперэго как культурного режима, проявляющегося в различных исторических и социальных контекстах, от идеологической регламентации до массовых форм комического.

Появление термина «суперэго» связано с переходом З. Фрейда от ранних представлений о структуре психики к разработке модели, где центральное место занимают три инстанции — «Я», «Оно» и «Сверх-Я» (*Über-Ich*). В работе «Я и Оно» (1923) Фрейд вводит это различие, подчеркивая, что Сверх-Я образуется на основе интериоризации родительских и культурных запретов [1, с. 45–46].

В отличие от «Я», которое осуществляет посредничество между влечениями и требованиями внешнего мира, и «Оно», олицетворяющего бессознательные импульсы, «Сверх-Я» становится носителем внутреннего контроля. Оно не только запрещает определенные формы поведения, но и вызывает чувство вины даже тогда, когда действие остается на уровне фантазии. Таким образом, уже на этапе введения концепта Фрейд подчеркивает парадоксальность: Сверх-Я оказывается «внутренним представителем внешнего мира» [1, с. 52].

В дальнейшем Фрейд связывает суперэго с механизмами агрессии. Если ранняя модель рассматривала вину как результат подавления влечений, то в «Я и Оно» подчеркивается активная роль агрессивной энергии, направленной против самого субъекта. Эта энергия, ранее обращенная вовне, при формировании суперэго разворачивается внутрь и становится средством самонаказания [1, с. 67]. Подобное понимание изменяет культурологический масштаб концепта: речь идет не только о дисциплинировании, но и о продуцировании постоянного напряжения между личностью и социумом. Вина перестает быть побочным продуктом социальной регуляции и становится структурной характеристикой человеческого существования.

Развернутый анализ суперэго как культурного фактора представлен Фрейдом в работе «Недовольство культурой» (1930). Здесь исследователь формулирует тезис о том, что культура, обеспечивая безопасность и упорядочивая человеческое сообщество, одновременно создает условия для усиления чувства вины [2, с. 84–85]. Это чувство становится универсальным спутником цивилизации, а суперэго — главной инстанцией, которая гарантирует сохранение социального порядка. Важным представляется то, что Фрейд рассматривает не только моральные предписания, но и бессознательные механизмы, благодаря которым культура превращается в источник страдания. В этом смысле суперэго предстает как символическая опора культуры: без него невозможна коллективная жизнь, но именно оно делает ее неполной, наполненной внутренними конфликтами.

Парадоксальность суперэго проявляется также в его двойной функции: с одной стороны, оно фиксирует родительские требования и культурные запреты, с другой — формирует идеалы, к которым стремится «Я». В этой амбивалентности заключена ключевая культурологическая значимость концепта. Сверх-Я не сводится к механизму запрета, оно задает и позитивную модель идентичности, часто недостижимую и потому оборачивающуюся новым источником вины [1, с. 71; 2, с. 102]. Именно в этой перспективе понятие суперэго выходит за рамки психологии и становится инструментом анализа культурных феноменов — от религиозных предписаний до художественных форм, где воспроизводится конфликт между индивидуальным желанием и социальной нормой.

Для последующего развития культурологических исследований важно подчеркнуть, что уже в текстах Фрейда суперэго трактуется не как частный случай клинической практики, а как универсальная структура. Об этом свидетельствует его анализ религиозных систем, где внутренний запрет и чувство вины выступают в качестве механизма объединения сообщества [2, с. 110]. В дальнейшем эта линия была подхвачена и развита философами и культурологами, стремившимися показать, что психоанализ способен объяснить не только

индивидуальные невроты, но и устойчивые формы социального опыта [5; 6]. Таким образом, введенное Фрейдом понятие оказалось ключом к осмыслению тех процессов, в которых культура предстает не просто как система норм, но как поле напряженного взаимодействия желания, запрета и вины.

Развитие психоаналитической мысли во второй половине XX в. связано с работами Ж. Лакана, который предложил радикально иное понимание структуры субъективности и пересмотрел фрейдовскую концепцию суперэго. Уже в ранних семинарах Лакан подчеркивал, что Сверх-Я нельзя рассматривать исключительно как носителя запрета. В *Семинаре VII «Этика психоанализа»* (1959–1960) он утверждает, что суперэго предъявляет субъекту не столько запрет, сколько парадоксальный приказ «наслаждайся» (*jouis!*) [3, с. 112–113]. Эта формулировка меняет перспективу: Сверх-Я предстает не только как источник вины, но и как инстанция, вынуждающая субъекта к поиску избыточного наслаждения, которое по своей природе разрушительно.

Тем самым Лакан делает акцент на двойственности суперэго. Оно одновременно продолжает линию фрейдовского внутреннего судьи и становится носителем избыточного императива. В отличие от закона, который ограничивает и структурирует желания, суперэго подталкивает к их бесконечному продолжению, к нарушению меры. Это принципиально культурологическая установка: субъект оказывается включен в символический порядок не только через чувство вины, но и через навязываемое требование постоянного наслаждения [3, с. 124]. В этой точке лакановское понимание суперэго приближается к философской категории «избытка», разработанной в других гуманитарных традициях [9].

В *Семинаре XVII «Изнанка психоанализа»* (1969–1970) Лакан формулирует новую модель социальных связей, где суперэго вписывается в систему дискурсов власти [4, с. 57–59]. Он описывает четыре дискурса — господина, университета, истерика и аналитика — как способы организации знания и власти. В этой структуре суперэго связано с дискурсом господина, навязывающего субъективности не столько закон, сколько требование, обращенное к телу и его влечениям. Таким образом, суперэго перестает быть исключительно психологическим понятием и приобретает статус культурного механизма, участвующего в производстве социальной реальности.

Подобный сдвиг имеет важные следствия для анализа современности. Лакан связывает действие суперэго с феноменом *jouissance* — наслаждения, которое выходит за пределы удовольствия и не подчиняется принципу гомеостаза. Это наслаждение оказывается тесно связано с болью, утратой и самонаказанием [3, с. 185]. В этой амбивалентности проявляется новый культурный режим: субъекты включаются в социальные практики, где от них требуют одновременно послушания и постоянного производства избыточных удовольствий. Данный парадокс, на который указывает Лакан, предвосхищает многие философские интерпретации позднего капитализма, в частности анализ С. Жижека, утверждающего, что идеология современности функционирует как требование наслаждаться [7, с. 64–65].

Философские интерпретации лакановского поворота подчеркивают его значение для культурологии. А. Зупанчич указывает, что этика Лакана строится

не на поиске гармонии или «правильного» удовольствия, а на признании неизбежного характера наслаждения как структуры субъективности [8, с. 147]. Такое понимание позволяет рассматривать культуру как пространство, где нормы и запреты неизбежно порождают избыточные формы поведения, искусства или дискурса, выходящие за пределы функционального. В этом заключается ключевой вклад лакановского подхода: он переводит анализ суперэго в плоскость культурных режимов, демонстрируя, что общество управляется не только законом, но и навязываемым требованием к наслаждению.

Таким образом, лакановский поворот в интерпретации суперэго выявил принципиально новую логику. Сверх-Я перестало быть исключительно внутренним судьей, закрепляющим вину, и оказалось механизмом, принуждающим к избытку. Этот сдвиг позволил увидеть в культуре не только систему норм, но и пространство, где избыточность становится обязательным условием социального порядка. Перспектива Лакана открыла возможность анализа современных форм идеологии и массовых практик, в которых запрет и приказ к наслаждению соединяются, формируя парадоксальные основания субъективности.

История психоанализа в России имеет особое значение для понимания того, как понятие суперэго входило в отечественный культурный дискурс. В первые десятилетия XX в. психоанализ был воспринят в среде русской гуманитарной интеллигенции как часть широкой программы обновления науки о человеке. Работы З. Фрейда переводились и обсуждались, создавались психоаналитические кружки, предпринимались попытки интегрировать новый метод в педагогическую и медицинскую практику. В это время понятие внутреннего контроля, связанное с Сверх-Я, рассматривалось прежде всего как инструмент анализа индивидуальной психики, но уже тогда оно вызывало интерес и у тех исследователей, которые пытались сопоставить психоанализ с социальными и культурными процессами [10].

Однако уже к концу 1920х гг. ситуация изменилась. В советской психологической науке закрепился курс на педологию и культурно-историческую школу, где акцент делался на социальном происхождении психических функций. Психоанализ в этой парадигме оказался маргинализированным. Сверх-Я, трактуемое Фрейдом как универсальная инстанция, противоречило установке на приоритет социальных условий и воспитания. В политическом контексте конца 1930х гг. психоанализ окончательно утратил институциональные позиции, а его представители подверглись критике и репрессиям [10, с. 42–44]. В результате понятие суперэго перестало развиваться в научной среде и сохранилось лишь в ограниченном философском и литературоведческом употреблении.

Важно подчеркнуть, что маргинализация психоанализа в СССР имела не только научные, но и идеологические основания. Инстанция, которая у Фрейда понималась как источник внутреннего запрета и вины, воспринималась как чуждая советской культуре, ориентированной на формирование «нового человека». В условиях господства идеологии коллективизма акцент на внутреннем судье и индивидуальной ответственности оказывался несовместим с официальным дискурсом. Психоанализ уступил место концепциям, объяснявшим личность через социальные роли и трудовую деятельность, тогда

как идея сверхличного контроля, встроенного в психику, рассматривалась как идеалистическая и буржуазная [12].

Тем не менее само понятие Сверх-Я продолжало сохранять скрытую актуальность. В советской литературе и искусстве 1930 х гг. можно обнаружить мотивы, близкие к психоаналитической логике: герои, испытывающие вину перед обществом, фигуры внутреннего надзора, символика самоказания. Эти элементы, хотя и не были обозначены напрямую как «суперэго», отражают структурное присутствие того культурного режима, который описал Фрейд. В последующие десятилетия, когда прямые обращения к психоанализу были невозможны, они продолжали проявляться в культурных текстах, подчеркивая, что вытеснение метода не означает исчезновения его смыслов [10; 12].

Современный культурный контекст позволяет по-новому рассмотреть работу психоаналитических категорий, в том числе понятия Сверх- Я. Особое место в этой перспективе занимает феномен стендапа, который за последние десятилетия превратился в одну из самых динамичных форм массового искусства. В отличие от классического театра или литературы, стендап строится на прямом обращении к аудитории и предельно личных высказываниях. Это пространство, где внутренние запреты и социальные ограничения становятся не только темой речи, но и формой самого высказывания. В этом отношении стендап можно рассматривать как сцену, на которой Сверх-Я обретает артикулированное выражение [10].

Теоретически значимым здесь оказывается тезис Ж. Лакана о том, что современное Сверх-Я парадоксально предписывает субъекту наслаждаться, а не только ограничивать его желания [8]. Именно этот парадокс наглядно проявляется в стендапе: шутка часто строится на демонстративном нарушении запрета, на игре с тем, о чем «не принято говорить вслух». Выходя на сцену, комик берет на себя роль субъекта, который осмеливается проговорить вытесненное — агрессию, сексуальные фантазии, социальные стереотипы. Но каждая подобная реплика сопровождается смехом, который выполняет двойную функцию: с одной стороны, он снимает напряжение, с другой — подтверждает силу Сверх-Я, превращая нарушение в допустимую форму трансгрессии. Смех аудитории фиксирует границы дозволенного, а значит, работает как коллективная санкция [12].

Микроанализ типичных ходов стендапа демонстрирует, что в его структуре можно обнаружить три ключевых механизма. Первый — апелляция к чувству вины: комик признается в собственных недостатках или социально неодобряемых поступках, тем самым провоцируя смех, но и обнажая внутренний суд. Второй — трансгрессия: намеренное нарушение табу, когда шутка строится на переходе границы, а реакция публики становится подтверждением того, что нарушение контролируется. Третий — парадокс «наслаждайся!»: сама сцена и формат выступления создают атмосферу, где признание в слабости или несостоятельности превращается в источник удовольствия, как для выступающего, так и для зрителей. Все эти механизмы можно описать как модусы работы Сверх-Я в современном культурном пространстве [8; 10; 12].

Таким образом, стендап оказывается не просто жанром массового искусства, но и лабораторией, где коллективно разыгрывается динамика психической

структуры. Здесь можно увидеть, как классическая психоаналитическая категория сохраняет актуальность, позволяя интерпретировать культурные явления вне их собственных эстетических границ. Стендап одновременно вскрывает и смягчает напряжение между запретом и наслаждением, подтверждая, что Сверх-Я остается центральным элементом психического и культурного порядка.

Обращение к истории понятия Сверх-Я и его культурным репрезентациям позволяет зафиксировать несколько методологических напряжений. Первое связано с ограниченностью модели «вина → наслаждение», которая доминирует в современных интерпретациях вслед за лакановской традицией [8]. Эта схема действительно объясняет парадоксальные предписания позднего капиталистического общества, но не охватывает всех форм работы Сверх-Я. Фрейд указывал, что чувство вины формируется не только как ответ на внешние запреты, но и как следствие агрессивных влечений, обращенных против самого субъекта [1]. Лакан, радикализируя эту мысль, переводит акцент на наслаждение как форму внутреннего принуждения, но тем самым оставляет в стороне более сложные динамики — например, опыт символического преодоления или интеграции конфликта, который в аналитической культуре представлен иначе.

Второе напряжение связано с выбором методологического горизонта. Для психоаналитической традиции Сверх-Я остается ключевой категорией, объясняющей взаимодействие культуры и субъективности. Однако культурологический анализ требует расширения: включения в поле зрения не только феноменов вины и табу, но и продуктивных форм символизации, в которых субъект осваивает культурное наследие. Здесь можно сопоставить психоаналитический подход с юнгианской перспективой, где акцент делается на архетипических структурах коллективного бессознательного [4]. Такое сопоставление не отменяет различий школ, но позволяет подчеркнуть, что работа Сверх-Я не сводится исключительно к репрессии — она может быть рассмотрена как механизм культурной преемственности, обеспечивающий передачу ценностей и формирование идентичности.

Наконец, обсуждение современных культурных практик — от литературных экспериментов XX в. до массового искусства XXI в. — демонстрирует, что Сверх-Я не исчезает и не ослабевает, но трансформируется в новых исторических условиях [10; 12]. Его функции все чаще проявляются в формах публичного самораскрытия, где запрет и его нарушение оказываются одинаково важными элементами культурного порядка. В этом контексте Сверх-Я можно определить как структуру, которая одновременно ограничивает и стимулирует: ограничивает прямое выражение влечений, но стимулирует их культурное оформление.

Таким образом, историческая и культурологическая перспектива показывает: понятие Сверх-Я сохраняет объяснительную силу не только в психоанализе, но и в более широком гуманитарном дискурсе. Для культурологии это означает необходимость учитывать двойственность феномена: его роль в поддержании социальных норм и его потенциал в создании новых форм символической коммуникации. Сверх-Я, в этой логике, предстает не только как источник вины или давления, но и как условие для артикуляции смысла, без которого невозможно ни индивидуальное становление, ни коллективное воображение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фрейд З. Я и Оно / пер. с нем. В. Ф. Полянского; под ред. А. А. Франковского. Л.: Academia, 1924. 62, [2] с.
2. Фрейд З. Недовольство культурой. Харьков: **Фолио**, 2013. 222 с.
3. Лакан Ж. Семинары. Книга 7: Этика психоанализа (1959–1960) / пер. с фр. А. Черноглазова. М.: **Гнозис; Логос**, 2006. 416 с.
4. Лакан Ж. Семинары. Книга 17: Изнанка психоанализа (1969–1970) / пер. с фр. А. Черноглазова. М.: **Гнозис**, 2008. 272 с.
5. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. М.: **Ад Маргинем Пресс**, 2022. 416 с.
6. Альтюссер Л. Ленин и философия / пер. с фр. Н. Кулиш. М.: Ad Marginem, 2005. 175 с.
7. Жижек С. Чума фантазий / пер. с англ. е. С. Смирновой. Харьков: **Гуманитарный Центр**, 2017 (2-е изд.). 388 с.
8. Зупанчич А. Этика Реального: Кант, Лакан / под ред. В. А. Мазина. СПб.: **Музей сновидений З. Фрейда; Скифия-принт**, 2019. 334 с.
9. Мтвралашвили М. Э. Проблематика избытка в травматическом опыте человека в теориях Фрейда и Лакана // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 4. С. 261–266.
10. Богданчиков С. А. Советская психология в конце 1930х годов: итоги становления // Ученые записки Института психологии РАН. 2025. Т. 5. № 1(14). С. 37–48. DOI: 10.38098/proceedings_2025_05_01_05.
11. Павловская О. В.; Романчук С. В. Некоторые соображения о психодинамике стендап-комедии // Научное мнение. 2025. № 3. С. 117–125. DOI: 10.25807/22224378_2025_3_117.
12. Степаненко А. Д. О сильной стороне аналитической психологии // Личность. Культура. Общество. 2025. № 2. С. 30–43. DOI: 10.25991/p2859-5888-1988-с.

REFERENCES

1. Freud, Z. *Ya i Ono* [The Ego and the Id]. Leningrad, Academia, 1924. 62 p. (In Russian).
2. Freud, Z. *Nedovol'stvo kul'turoy* [Civilization and Its Discontents]. Kharkov, Folio, 2013. 222 p. (In Russian).
3. Lacan, J. *Seminary. Book VII: Etika psikhoanaliza (1959–1960)* [The Ethics of Psychoanalysis]. Moscow, Gnozis, Logos, 2006. 416 p. (In Russian).
4. Lacan, J. *Seminary. Book XVII: Iznanka psikhoanaliza (1969–1970)* [The Other Side of Psychoanalysis]. Moscow, Gnozis, 2008. 272 p. (In Russian).
5. Foucault, M. *Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Moscow, Ad Marginem Press, 2022. 416 p. (In Russian).
6. Althusser, L. *Lenin i filozofiya* [Lenin and Philosophy]. Moscow, Ad Marginem, 2005. 175 p. (In Russian).
7. Žižek, S. *Chuma fantaziy* [The Plague of Fantasies]. Kharkov, Gumanitarnyy Tsentr, 2017. 388 p. (In Russian).
8. Zupančič, A. (2019). *Etika Real'nogo: Kant, Lakan* [Ethics of the Real: Kant, Lacan]. Saint Petersburg, Museum of Freud's Dreams; Skifiya-print, 2019. 334 p. (In Russian).
9. Mtvralashvili, M. E. (2025). Problematika izbytkva v travmaticheskom opyte cheloveka v teoriyakh Freyda i Lakana [The problem of excess in traumatic human experience in the

theories of Freud and Lacan]. In: *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 2025, no. 4, p. 261–266. (In Russian).

10. Bogdanchikov, S. A. Sovetskaya psikhologiya v kontse 1930-kh godov: itogi stanovleniya [Soviet psychology in the late 1930s: Results of formation]. In: *Uchyonye zapiski Instituta psikhologii RAN* [Proceedings of the Institute of Psychology of the RAS], 2025, no. 5(1), p. 37–48. https://doi.org/10.38098/proceedings_2025_05_01_05 (In Russian).

11. Pavlovskaya, O. V., & Romanchuk, S. V. Nekotorye soobrazheniya o psikhodinamike standap-komedii [Some thoughts on the psychodynamics of stand-up comedy]. In: *Nauchnoe mnenie* [Scientific Opinion], 2025, no. 3, p. 117–125. https://doi.org/10.25807/22224378_2025_3_117

12. Stepanenko, A. D. O sil'noy storone analiticheskoy psikhologii [On the strong side of analytical psychology]. In: *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society], 2025, no. 2, p. 30–43. <https://doi.org/10.25991/p2859-5888-1988-c>